

Поетика художнього тексту

УДК 821.161.1'052-3Лесков.09
DOI: 10.26565/2227-1864-2019-82-01

Заблуждение и истина в малой прозе Н. С. Лескова 1870–1880-х годов

Л. А. Скубачевская

*кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина;
e-mail: skubachevskaya@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1947-7015*

Актуальность исследования связана с возрастающим интересом современного литературоведения к игровому началу, роли эксперимента в прозе Лескова, ее новаторству. В статье охарактеризованы особенности осмысления писателем проблемы силы застывших представлений, заставляющей человека мыслить и действовать по стандарту, на материале повестей «Железная воля» (1876), «Колыванский муж» (1888), новеллы «Маленькая ошибка» (1883), легенды «Рассказ про чертову бабу» (после 1886). Эти произведения, разные по жанру, объединены присутствием в них мотивов обмана, подмены, власти стереотипа над «чертовой куклой». В лесковских произведениях много раз повторенная подмена имен начинает обозначать замену самой сути – именем, названием, вывеской, пустой догмой, а случай и судьба обозначают саму живую жизнь, свободную, непредсказуемую, в нее не верят упрямые герои, а она ведет их к трагикомическому финалу. Кроме того, Лесков вплотную подходит к постоянной для чеховских произведений теме: ложность взглядов, которые кажутся их носителям абсолютной правдой, власти над человеком догмы и стереотипов, столкновение между носителями разных «правд». В легенде эта важная для Лескова проблема сформулирована прямо, в повестях же и новеллах – с присущими автору иронией, «нарративными провокациями», несоответствием того, что говорится, тому, что это значит, тому, о чем думает автор.

Показано, как замисловатые художественные ходы, многочисленные повторы с подменами, накладывающиеся друг на друга обманы, переворачивающие смысл, пародия, черный юмор, сочетание серьезного с игровым, обман читательских ожиданий позволяют ироничному автору не учить, скрыто высмеивая пороки, а проблематизировать ситуацию. В целом исследованные мотивы, приемы, жанровые эксперименты демонстрируют продуктивность художественного новаторства Лескова, «переходные» явления в литературе конца 19 века, иногда некоторые сближения с «новой» прозой рубежа 19–20 веков.

Ключевые слова: Лесков, ирония, мотив, повтор, подмена, стереотип, национальный характер

Скубачевська Л. О. Омани та істина в малій прозі Лескова 1870–1880-х років

Актуальність дослідження визначається зростаючим інтересом сучасного літературознавства до ігрового початку, ролі експерименту та новаторства прози Лескова. У статті охарактеризовані особливості осмислення письменником проблеми сили застгнених уявлень, яка змушує людину мислити і діяти за стандартом, на матеріалі повістей «Залізна воля» (1876), «Коліванський муж» (1888), новели «Маленька помилка» (1883) та легенди «Розповідь про чортову бабу» (після 1886). Ці твори, різні за жанром, єднає наявність в них мотивів обману, підміни, влади стереотипу над «чортовою лялькою». В них багато разів повторена підміна імен починає позначати підміну самої суті – ім'ям, назвою, вивіскою, порожньою догмою, а випадок та доля позначають саме живе життя, вільне, непередбачуване; у нього не вірять уперті герої, а воно веде їх до трагікомічного фіналу. Крім того, Лесков підходить до сталої для чеховських творів теми: хибність поглядів, які здаються їх носіям абсолютною правдою, влади над людиною догми та стереотипів, зіткнення між носіями різних «правд». І якщо в легенді ця, мабуть, важлива для Лескова думка висловлена прямо, то в повістях і новелі – з властивою автору іронією, «нарративними провокаціями», невідповідністю того, що говориться, тому, що це означає, тому, про що думає автор.

У статті показано, як замислувати художні ходи, численні повтори з підмінами, обмани, що накладаються один на один та змінюють сенс, чорний гумор, поєднання серйозного з ігровим, обман читацьких очікувань дозволяють іронічному авторові не висміювати вади і прямо вчити, а проблематизувати ситуацію. В цілому досліджені мотиви, прийоми, ігрова поетика і жанрові експерименти демонструють продуктивність художнього новаторства Лескова, «перехідні» явища в літературі кінця 19 століття, іноді деякі зближення з «ною» прозою межі 19–20 століть.

Ключові слова: Лесков, іронія, мотив, повтор, підміна, стереотип, національний характер

Skubachevskaya L. A. Lie and truth in flash fiction by N.S. Leskov of 1870–1880s

The relevance of the subject is determined by the growing interest of contemporary literary criticism to the problem of the playful features, the role of experiment and the innovation the Leskov's art. The article describes the peculiarities of the writer's understanding of the problem of frozen ideas that cause a person to think and act according to the standard, clashes between the carriers of various "truths" on the material of the stories "The iron will" (1876), "The Kolivanian man" (1888), "The little mistake" (1883) and "The Story about Devil's Grandma" (after 1886). These works are distinguished by genres and time of writing. On the other hand, the motives of deception, switch, power of stereotype over "devil doll" unites these novels. The replacement of names is repeated many times in Leskov's novels and begins to mean the replacement of the essence itself. A chance and fate denote living life itself, free, unpredictable; stubborn characters do not believe in it, and it leads them to a tragicomic ending. In addition, Leskov comes close to the constant theme for Chekhov's works of falsity of views, which seem to their bearers to be the absolute truth, power over a person of dogma and stereotypes, a clash between bearers of different "truths". In the legend, this important for Leskov problem is formulated directly, in novels and short stories – with the irony inherent in the author, "narrative provocations", with the discrepancy between what is said and what it means, what the author thinks about.

As a whole, researched motives, methods, the poetics of game and the experiments with the genre show us Leskov's artistic innovation, "transitional" phenomenon in the literature of the end of 19 century. Either it shows us certain convergences with New Prose of the turn of 19 and 20 centuries.

Key words: Leskov, irony, motive, repetition, substitution, stereotype, national character

Среди актуальных проблем современного лесковедения – социально-философские и религиозные воззрения писателя, концепция человека, бытовая культура, национальный характер, природа вымысла и проблема достоверности, поэтика жанра и др. Известно, что Н.С. Лескову не везло с критикой при жизни, а также долгое время после смерти отсутствовала справедливая оценка его творчества. По выражению И.П. Видуэцкой, «до сих пор еще приходится вести борьбу за безусловное признание его писателем-классиком» [4, с. 3].

Интересно, что Д.С. Лихачев, считая Лескова «безусловно писателем первого ряда», отмечал, что «назвать его «классиком» русской литературы трудно» [7, с. 138]. Так ученый обращал внимание на новаторский характер творчества писателя второй половины 19 века: «Он [Лесков] изумительный экспериментатор, породивший целую волну таких же экспериментаторов в русской литературе, – экспериментатор озорной, иногда раздраженный, иногда веселый, а вместе с тем и чрезвычайно серьезный» [7, с. 138].

В статье предлагается рассмотреть творчество Лескова, одного из выдающихся реалистов 19 века, в связи с художественным экспериментом, игровым началом, что позволит по-новому взглянуть на место и значение этого писателя в литературном процессе «переходного» периода 1880-х годов, готовившего многие новации искусства «серебряного века».

Повести Лескова «Железная воля» (1876) и «Кольванский муж» (1888) традиционно рассматриваются в аспекте особенностей изображения немецкого и русского национального характера или проблемы взаимодействия культур [1; 2; 4; 8 и др.]. Комментаторы говорят об автобиографизме произведений, поскольку Лесков служил в 1857–1860 годах у Шкотта, компаньона фирмы «Скотт и Вильямс», и часто ездил в Прибалтику [6, т. 6].

Как известно, после первой публикации в 1876 году «Железная воля» при жизни Лескова больше не перепечатывалась, а в следующий раз была опубликована А.Н. Лесковым в журнале «Звезда» в 1942 году, с такими изменениями первоначального текста, которые формировали антинемецкую и прорусскую настроенность произведения, что, как показывает А. Цинк, было «исторически мотивировано, но не отвечало авторской идеологии» [8, с. 192].

Действительно, и в «Железной воле», и в «Кольванском муже» бросается в глаза *мотив соперничества* русских и немцев. А. Цинк исследует этот мотив в «Железной воле», в частности, его экономический ракурс, а также образ «ненадежного автора» (выражение А.К. Жолковского [3]), и приходит к убедительному выводу: «Удвоение мотива соперничества обуславливает появление трагифарсового характера эскалации конфликта «свой – чужой», отсутствие победителей в этом «состязании» становится основанием для авторской демонстрации несостоятельности национальных стереотипов» [8, с. 195].

Об «удвоении мотива» А. Цинк говорит в связи с двумя эпизодами «Железной воли». Во-первых, продолжительная история о противостоянии Гуго Пекторалиса и Сафроныча, закончившаяся разорением немца и смертью Сафроныча. Во-вторых, состязание Пекторалиса с русским священником на поминках Сафроныча в поедании блинов, закончившееся гибелью немца. Однако этим кульминационным для повести заключительным эпизодам, посвященных соперничеству, предшествовали многие главы, в центре которых была собственно «железная воля» Гуго Пекторалиса.

Впервые мы видим проявление «железной воли», когда Пекторалис, «не зная ни наших дорог, ни наших порядков», ни языка, без русского попутчика, терпя лишения, голод, холод, отсутствие бани, но с «твердым и веселым» выражением лица едет по России с деловым поручением от своих работодателей. Удивленному рассказчику он объясняет, что преодолеть и добиться успеха ему помогает «железная воля», суть которой он формулирует так: «все, что он раз себе сказал, должно быть сделано» [6, т. 6, с. 17]. Рассказчик называет это *упрямством*.

В таком же духе и дальше следуют противопоставления оценок «железной воли» Пекторалисом и рассказчиком. Так, когда Пекторалис показал себя в России умелым и успешным инженером, предпринимателем, благодаря своей «твердости и настойчивости» [6, т. 6, с. 18], рассказчик делает замечание, что «все как-то смахивало на *шутку и потешение*» [6, т. 6, с. 21].

Следуют более-менее смешные эпизоды, в которых при проявлении Пекторалисом «железной воли», несмотря на его служебные, деловые достижения, материальные успехи, он попадает «то в весьма печальные, то в невозможно комические положения» [6, т. 6, с. 21]. Например, он не хотел быть смешным, как все его земляки, из-за неправильного русского языка, и он, выучив язык самостоятельно и тайно, в один день сразу заговорил «чисто». При этом если допускал ошибку,

то ни за что не соглашался признаться в ней, что было замечено, и над ним стали продельваться *шутки*, в результате которых он пил слишком крепкий чай, хотя хотел послабее. Потом то же самое было повторено сгорчицей, и все закончилось тяжелой болезнью желудка, а Пекторалис был доволен и рад, так как «себе не изменил» [6, т. 6, с. 24]. Рассказчик же по этому поводу говорит: «Как все люди, желающие во что бы то ни стало поступать во всем по-своему, сами того не замечают, как становятся *рабами чужого мнения*» [6, т. 6, с. 23]. Уже после эпизодов с чаем и горчицей рассказчик предупреждает читателя о «трагикомической смерти» Пекторалиса [6, т. 6, с. 25].

После «смешных и жалких вещей в этом же роде» [6, т. 6, с. 25] постепенно приключения обладателя «железной воли» становятся все более зловещими: из *упорства* Гуго Пекторалис ездил на «неудобнейшем кресле», с которого падал, и однажды застрял в болоте [6, т. 6, с. 25]. Потом он был до полусмерти изжален осами [6, т. 6, с. 27]. Еще меньше смеха слышится в истории о покупке Пекторалисом лошади. Здесь немец столкнулся с другим обладателем «своего рода железной волей» [6, т. 6, с. 29], плутом-артистом Дмитрием Ерофеичем, которого характер Пекторалиса подтолкнул к жестокому обману, – продаже упряму слепой лошади: «Мертво, как в заколдованном замке, только луна светит, озаряя далекое поле, открывающееся за растворенными воротами, да мороз хрустит и потрескивает. Оглянувся Гуго туда и сюда, видит: дело плохо; повернул лошадь головой к луне – и даже испугался: так мертво и тупо, как два тусклые зеркальца, неподвижно глядели на луну большие бельма бедной Окрыси, и лунный свет отражался от них, как от металла. «Лошадь слепая», – догадался Гуго и еще раз оглянувся по двору» [6, т. 6, с. 31]. Но и эту обиду снес Пекторалис без ущерба для своей «железной воли».

Настоящим же ударом по ней стало открытие, что у его жены-немки, которую Пекторалис считал обладательницей такой же «железной воли», как у него самого, и рассчитывал на «чудо в потомстве» [6, т. 6, с. 34], «совсем нет такой железной воли» [6, т. 6, с. 42]. По наблюдению рассказчика, измена Клары Павловны хотя и не сломала волю Пекторалиса, но стала жестоким ударом по ней, «неожиданным уроком для его самомнения» [6, т. 6, с. 43]. И вот дальше, предупреждает рассказчик, последовали «роковые» события.

Так Лесков, благодаря многократному повторению, нагнетает мотив упрямыства, приводя «бездну экспериментов на железной воле» [6, т. 6, с. 34], результат которых с каждым разом становится все более и жестоким, и смешным, и готовит читателя к трагикомическому финалу.

Центральное событие повести – Спор Пекторалиса и Сафроныча. Он имел деловой характер. Пекторалис открыл небольшую фабрику, а часть необходимой ему для этого территории занимала чугуноплавильня Сафроныча. Немец предлагал Сафронычу переехать, но тот «стал кичиться и ломаться» [6, т. 6, с. 44], другими словами, тоже стал упорствовать. Ему помогал приказный Жига: «не трогайся; мы, говорит, этого немца сиденьем передавим» [6, т. 6, с. 45].

Дело в том, что хитрец Жига по репутации Пекторалиса понимал, что он не свободный человек, а раб своей «железной воли», что поведение его предсказуемо и с ним можно обращаться, как с марионеткой: «уловлен он – и уловлен на гордости, а это и есть *петля смертная*» [6, т. 6, с. 54]. Жига умело воспользовался властью стереотипов над Пекторалисом и Сафронычем, довел дело до суда, и формально его парадоксальное решение удовлетворило непримиримых героев: за Пекторалисом было признано право оставить забор, лишавший Сафроныча и его семью возможности выйти из своего дома на улицу, но в то же время Пекторалис должен был платить Сафронычу ежемесячную компенсацию за несостоявшиеся сделки, что неминуемо вело к разорению немца.

Рассказчик говорит, что «Пекторалис сам знал, что *судьба* над ним начала что-то *жестко потешаться* (как это всегда бывает в полосе неудач)» [6, т. 6, с. 57], но Пекторалис «в *полосы не верил*» [6, т. 6, с. 59], и продолжал упорствовать, хотя и с тревожными оговорками: «Правда, что Пекторалис крепился и никому на свою *судьбу* не жаловался – и даже казался *веселым*, как человек, публично отстаивавший свое право на всеобщее уважение, но в веселости этой уже начинало обозначаться нечто как будто *притворное*. <...> Дело было просто и ясно: сколько бы Пекторалис ни работал и как бы много ни заработал, все это у него должно было идти на удовлетворение Сафроныча. <...> Воля Пекторалиса была велика, но капитал слишком мал для того, чтобы выдерживать такие капризы <...> Пекторалис выдерживал сильное испытание и, очевидно, решил *погибнуть, но живой не сдаться*, – и история эта бог весть чем бы кончилась, если бы *случай* не распорядился подготовить ей *исход самый непредвиденный*» [6, т. 6, с. 63]. Так Лесков вводит в повесть о «железной воле» *мотивы судьбы и случая*.

Случаем становится спор и суд о «карачках», в результате которого, и еще при участии «черта», Сафроныч погибает от даровых денег и пьянства. Освобожденный же было смертью Сафроныча прежде экономически успешный, а теперь вконец разоренный Пекторалис тоже гибнет, в результате очередного безумного спора – от переядания блинов.

Итак, как говорится в повести, «неожиданно для всех луна оборотилась к нам тем боком, которого никто не видал» [6, т. 6, с. 60]. Благодаря

многократно повторенной в повести ситуации упрямого спора, разные герои, а не только немец Пекторалис, превращаются в марионетки, в известные лесковские «чертовы куклы», живущие во власти стереотипов. Они с легкостью «улавливаются на гордости», становятся рабами чужой воли, поскольку ход мыслей их и поведение предсказуемы, на них можно строить точные расчеты и управлять ими. Таким образом, повесть о соперничестве русского и немецкого превращается в разоблачение не русских и немецких национальных стереотипов, а вообще любых стереотипов. Случай же и судьба у Лескова обозначают саму живую жизнь, свободную, непредсказуемую, в которую, воображая себя самостоятельными, не верят упрямые «железновольцы», но которая приводит их к «невероятнейшему» [6, т. 6, с. 66] финалу.

В более поздней повести «Колыванский муж» мотив состязания русского и немецкого обыгрывается автором еще более оригинально. Это комическая история превращения детей Ивана Сипачева, женатого на немке, в лютеран и немцев (вопреки закону, по которому дети от смешанных браков православных с лицами других вероисповеданий крестились в православие). Однако если в «Железной воле» речь хоть как будто шла о национальных характерах (точнее, национальных стереотипах) – об умении Пекторалиса работать, о лени и пьянстве Сафронича и об упрямстве их обоих, и тем самым сохранялась видимость традиционного «национального соперничества», то в «Колыванском муже» все сводится только к интриге с русскими и немецкими именами детей.

Немецкое семейство Ивана Никитича Сипачева – юные сестры Лина и Аврора, а также мать Лины, теща Сипачева, баронесса Генриетта Васильевна, – изображаются (хотя и иронично) хорошими, отзывчивыми людьми, которые поддержали героя в трудный для него момент жизни: «О баронессе нечего и говорить <...> она всем внушает почтение. <...> Лина... <...> Ангел. Кузина Аврора – эта вся блеск и аромат; даже старая бабушка, которой тогда было восемьдесят лет, и та была очарование: беленькая, чистенькая и воплощенная доброта. Приняли они меня – я хотел бы сказать: как родные, но я никогда не видал, чтобы у нас самые лучшие родные умели так принять человека, так тихо и просто, а в то же время ласково и деликатно» [6, т. 8, с. 412–413].

Родные Сипачева рады его женитьбе на Лине, но следует предупреждение: «Когда мы «шествовали» от Аксакова домой, дядя меня поучал: «будь им благодарен, но не увлекайся до безрассудства, дабы не ощутить в себе измены русским обычаям. Лучше старайся сам получить влияние на них» [6, т. 8, с. 411]; отец писал: «Дай только бог счастья, и не изменяй

вере отцов твоих, а нам желательно, наконец, иметь внука *Никитку*. Помни, что имя Никиты в нашем сипачевском роду никогда прекращаться не должно, а если первая случится дочь, то она должна быть, в честь бабушки, Марфа» [6, т. 8, с. 424].

Сипачев в таких речах родных слышал «как будто все это что-то *фальшивое*» и себя ощущал «чертовой куклой» [6, т. 8, с. 411]. В то же время и по отношению к своей новой семье он испытывал «какое-то беспокойство, что я *обманут*, что со мной сыграли какую-то штуку, что я выгнан из дома нарочно, как какой-то дурачок, и вообще со мною играют какую-то комедию» [6, т. 8, с. 427].

«Комедия» была сыграна с ним *трижды*: «немецкое» семейство Ивана Сипачева каждый раз, когда Лина рожала детей, обманом выпроваживали его из дома, и в его отсутствие крестили сыновей в лютеранство и давали немецкие имена. После первых двух случаев Сипачев чувствовал себя «тряпкой, что у меня всё рождаются немцы, и я не могу этого прекратить» [6, т. 8, с. 439], представлял, что его «засмеют» «на Арбате и в Калужской губернии» «с такими детьми» [6, т. 8, с. 430]. Он рассуждает так: «этому и нельзя поверить, чтоб я, калужанин, истинно русский человек, борец за право русской народности в здешнем крае, сам себе первенца немца родил! Ад и смерть» [6, т. 8, с. 430], но продолжает любить жену. Какое-то время в Сипачеве, как и в Пекторалисе, борются *живые и навязанные чувства*.

После третьего случая Сипачев устраивает дома скандал, крушит мебель, выгоняет семейство из дома, но затем раскаивается и объясняется с женой: «Лина укориженно покачала головою. «Какой ты, – говорит, – злой!» – «Да, я злой, а вы с своей мамой очень добрые: вы так устроили, что мне своим родным сына показывать стыдно». – «Почему же стыдно?» – «Немец!.. лютеранин!» – «Ну так что же такое?» – «Ничего больше». – «*Будто не все равно? Все христиане*». – «То-то и есть, верно не все равно. И я так думаю: не все ли равно, а вот по-вашему, видно, не все равно: вы взяли да и переправили его из Никитки на Готфрида» [6, т. 8, с. 432]. В объяснении с Авророй, которая только повторяет твердое, упорное, энергичное «*пайн*», Сипачев прямо указывает ей, что они действовали «*зло, упрямо, узко*» [6, т. 8, с. 445]. Однако в конце концов он сдается. После смести Лины он женится на Авроре, у них рождаются три дочери, и «кончил свой курс немцем» [6, т. 8, с. 449].

В финале повести говорится, что «очень определенная» Аврора не любит Россию, потому что «боится всего неопределенного» [6, т. 8, с. 449]. Но это высказывание адмирала – очередной обман автора. Потому что в его повести русские – тоже «очень определенные»: с постоянно упоминаемыми «столпами славянофильства» [6, т. 8, с. 424], «верой отцов» [6, т. 8, с. 425], упорным стремлением поставить на своем перед немцами. При этом в «Колыванском муже» речь совсем не идет о каких-нибудь существенных различиях между

русскими и немцами, но о важности следования обрядам: например, когда Никитка «родится и станем его крестить, то чтобы поп крестил его непременно настоящим троекратным погружением в купели, а не облил с блюдечка, как будто канарейку» [6, т. 8, с. 425] и все в таком духе.

Таким образом, повесть «Колыванский муж» – также оказывается повестью об упорстве и власти над человеком догмы и стереотипов. При этом на первый план выходит мотив *подмены имен*: Генриетту переименовывают на Винегрету, баронесса и ее дочери становятся во сне Сипачева «ткачихой с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой» [6, т. 8, с. 428], Никитка и Марфа превращаются в Готфрида и Освальда, а затем в речи Сипачева в Рберта и Бертрама [6, т. 8, с. 439], родители Сипачева переименовывают Лину в Екатерину: «Лина у них за здравие записана Катериной, потому что Каролину священник находил неудобным поминать» [6, т. 8, с. 425] и т.д. В итоге многократно повторенная в повести подмена имен начинает обозначать подмену самой сути – именем, названием, вывеской, пустой догмой.

Этот прием часто используется Лесковым и в других произведениях. Например, в рассказе «Маленькая ошибка. История одной фамилии» (1883) из цикла «Святочные рассказы» интрига также связана с подменой имен. По сюжету, в богатой купеческой семье было три дочери – Капитолина, Катерина и Ольга. Старшая была замужем за художником, но у них не было детей, и это огорчало родителей Капитолины. Поскольку они «одинаково прилежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу» [6, т. 8, с. 252] (речь идет о знаменитом, пребывающем в сумасшедшем доме, Иване Яковлевиче Корейше (1780–1861), имевшем у обывателей репутацию «пророка»), то к нему и обратились с просьбой помолиться «о еже рабе Капитолине отверзти ложесна» [6, т. 8, с. 253]. Но забеременела ее незамужняя сестра Катерина. Выяснилось, что в просьбе к Ивану Яковлевичу была сделана ошибка: «Действительно ведь все вышло по ошибочному молению, потому что на место рабы божьей Капитолины, которая замужем, там писана раба Катерина, которая не замужняя, девица» [6, т. 8, с. 255]. Ситуация казалась безвыходной: мать боялась, что отец прибудет Катерину, а самая младшая сестра Ольга тоже никогда не выйдет замуж из-за репутации старших сестер.

Однако выход нашел художник, которого родители жены все время обвиняли в безверии. Играя на суевериях тестя, зять убедил его в том, что Катя не виновата, а ее беременность – от ошибки Ивана Яковлевича. «Дядя поглядел и отвечает: «Полно вздор городить! Разве он это может?» А живописец отвечает: «Ну, ежели ты, как я вижу, неверующий, то делай, как знаешь,

только потом не тужи и бедных девушек не виновать». Дядя и остановился» [6, т. 8, с. 258].

Таким образом, этот короткий смешной анекдот, хотя в нем нет «железных» немцев и соперничества с ними, тоже об упрямстве, гордости и власти стереотипа над человеком. Из страха прослыть неверующим, купец соглашается принять «вздор». Художник, знающий, как легко можно управлять суеверными, упрямыми людьми, добивается успеха, «накладывая» обман на обман, и Катю выдают замуж за молодого художника.

Представляется, что Лесков вплотную подходит к постоянной для чеховских произведений теме: ложность взглядов, которые кажутся их носителям абсолютной правдой, сила застывших представлений, вынуждающая человека мыслить и поступать по стандарту, столкновения между носителями разных «правд». Хотя в отличие от новаторской лаконичности Чехова, Лесков выступает, по выражению Б. Эйхенбаума, «чрезмерным» писателем.

Совсем в другом жанре та же тема осмысливается Лесковым в «Рассказе про чертову бабку» (написан после 1886, при жизни Лескова не публиковался). В кратком авторском предисловии указано, что легенда имеет датское происхождение и повествует о том, как Сатана портил «Божественный образ» в человеке и приходил разговаривать об этом со своей бабкой» [5, с. 372].

Следует перечень идей Сатаны. Во-первых он придумал «подпортить человека так, что ему всего того будет хотеться, чего ему нельзя» [5, с. 373], но бабка сказала, что это нехорошо, потому что Бог эту порчу в людях исправит. Вторая идея была «подпустить в человека, что он будет ко всякому другому без жалости» [5, с. 373]; ее бабка назвала «недурной», но тоже Бог сможет исправить. Третья идея – «перевернуть в человеке все понятие на вынтараты, – будет ему казаться умное глупым, а глупое умным, и ни в чем он не разберет истины» [5, с. 374]; это бабушка называет «хорошей выдумкой», но объясняет, каким манером Бог исправит ее: «Он пошлет на землю посла, который покажет людям настоящую Истину, и разрастется это малое семя, и выйдет великое дерево» [5, с. 374]. Сатана увидел, что так это все и произошло, и тогда пришел к бабке с новой идеей: «Я выдумал касающее к этой самой Истине. Пришли Истина, ну и пришла. Так ей и быть. Теперь назад не воротишь, а я теперь буду вперять человеку, что *он один познал эту самую истину самым лучшим родом*, и он тогда во всех смыслах зайдется, не станет ничем поверять и о чем-либо с кем-то спокойно и умно не посоветует, а всех почтет в заблуждении, и что ему в лоб вступит, то и велит всем почитать за Истину. Тогда бы ему во весь век не услышать слово Истины» – «<...> Хорошо ты выдумал!» И начали черт с бабкою на весь ад громко смеяться» [5, с. 375].

В легенде эта, видимо, дорогая для Лескова мысль высказана прямо, в повестях же и новеллах – с присущими автору иронией, «нарративными

провокациями» (выражение О. Майоровой), несоответствием того, что говорится, тому, что это значит, тому, о чем думает автор. Многочисленные повторы с подменами, накладывающиеся друг на друга обманы, переворачивающие смысл, пародия, черный юмор, сочетание серьезного с игровым позволяют ироничному автору не учить, скрыто

высмеивая пороки, а проблематизировать ситуацию.

В целом исследованные мотивы, приемы, жанровые эксперименты демонстрируют продуктивность художественного новаторства Лескова и позволяют по-новому взглянуть на место и значение писателя в литературном процессе «переходного» периода 1880-х годов.

Литература

1. Гачев Г.Д. Германский мир и ум глазами русского (по рассказу Н. Лескова «Железная воля») // Вопр. лит. Москва, 1997. Вып. 6. С. 66–85.
2. Доценко С. «Кольванский муж» Лескова: конфликт двух цивилизаций // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллин, 2006. Т. 11. С. 67–77.
3. Жолковский А.К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // НЛО. 2008. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/malenkij-metatekstualnyj-shedevr-leskova.html> (дата обращения: 22.09.2019)
4. Лесков Н.С. в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения). Санкт-Петербург: ИМЛИ РАН, 2010. 376 с.
5. Лесков Н.С. Рассказ про чертову бабку // Лесков Н.С. Проложные истории как пролог к русскому христианскому мировоззрению. Санкт-Петербург: Умозрение, 2017. С. 372–375.
6. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. Москва: ГИХЛ, 1956–1968.
7. Лихачев Д.С. Особенности поэтики произведений Н.С. Лескова // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Ленинград: Сов. писатель, 1984. С. 138–148.
8. Цинк А. Деконструкция национального дискурса в творчестве Н.С. Лескова // Филология и культура. № 4 (50). 2017. С. 191–195.

References

1. Gachev G.D. Germanskiy mir i um glazami russkogo // Voprosi literatury. 1997. № 6. P. 66–85.
2. Dotsenko S. “Kolvanskiy muzh” Leskova: konflikt dvuh tsivilizatsij // Baltijskiy archive: Russkaya kul'tura v Pribaltike. Tallin, 2006. T. 11. P. 67–77.
3. Zholkovsky A.K. Malenkiy matatekstualniy shedevr Leskova // NLO. 2008. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/malenkij-metatekstualnyj-shedevr-leskova.html> (accessed: 22.09.2019)
4. Leskov N.S. v prostranstve sovremennoy filologicheskoy misly (K 175-letiyu so dnya rojdeniya). Sankt-Peterburg: IMLI RAN, 2010. 376 p.
5. Leskov N.S. Rasskaz pro chertovu babku // Leskov N.S. Prolojnie istorii kak prolog k russkomu christianskomu mirovozzreniu. Sankt-Peterburg: Umozrenie, 2017. P. 372–375.
6. Leskov N.S. Sobr. soch.: v 11 t. Moskva: GIHL, 1956–1968.
7. Lihachev D.S. Osobennosti poetiki proizvedeniy N.S. Leskova // Lihachev D.S. Literatura – real'nost' – literatura. Leningrad: Sov. pisatel', 1984. P. 138–148.
8. Tsink A. Dekonstruksiya natsional'nogo diskursa v tvorchestve N.S. Leskova // Filologiya i kul'tura. № 4 (50). 2017. P. 191–195.

Скубачевська Любов Олександрівна, кандидат філологічних наук, доцент кафедри історії російської літератури, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна (майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна); e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>

Скубачевская Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>

Skubachevska Liubov, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>